

СТАТЬИ

Н. К. КОНДОВ

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ПОЛЕВОДСТВА В БОЛГАРСКИХ И СОСЕДНИХ С НИМИ ЗЕМЛЯХ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Система полеводства, т. е. использование земли под зерновые или другие культуры, чередование различных культур во времени и по месту, представляет собой один из наиболее ярких показателей развития земледельческого хозяйства.

Система полеводства в болгарских и соседних с ними землях Балканского полуострова привлекала внимание ряда ученых. Однако до сих пор по этому вопросу нет специальных исследований. В некоторых работах лишь попутно рассмотрены относящиеся к данной теме вопросы в связи с постановкой более широких проблем земледелия и земледельческого населения периода средневековья в указанных землях. При постановке этих более общих проблем вопрос о системе полеводства имел подчиненное значение и рассматривался лишь постольку, поскольку это было необходимо для решения проблемы в целом.

Прежде чем изложить нашу точку зрения на поставленный вопрос, постараемся дать краткий обзор того, что сделано в этом отношении до сих пор.

Насколько нам известно, первым, кто писал о системе полеводства на Балканах, в частности в средневековой Болгарии, был Иван Сакизов. В его работе «Bulgarische Wirtschaftsgeschichte» можно прочесть следующее: «При таком положении земледелие можно охарактеризовать как очень экстенсивное хозяйство. Земля давала далеко не то количество продуктов, которое она могла дать. Почва не удобрялась. Обычно для того, чтобы повысить производительность поля, его в течение долгого времени оставляли под паром. Это было возможно при незначительной плотности населения Болгарии и обширной площади необработанных земель. Наличие пара является надежным доказательством двухполья и даже, хотя и реже, трехполья, при котором данный участок земли засеивался попеременно озимыми и яровыми хлебами, а на третий год оставался под паром»¹.

В недавнем прошлом этот вопрос был рассмотрен Е. Э. Липшиц. Она пишет: «Ст. 20 (подразумевается Земледельческий закон.— Н. К.), рассматривающая случай самовольной обработки чужой земли без ведома владельца ее, гласит: «Вырубающий чужой лес без ведома его хозяина и возделывающий и засевающий ничего не получает из плодов».

¹ I. S a k â z o v. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte. Berlin. 1929. S. 34.

Процессу распашки земли после ее расчистки предшествовало выжигание хвороста и сорных трав. В ст. 56 предусмотрено, что «если кто-либо развел огонь в своем лесу или поле и случилось, что огонь распространился и сжег дома или плодоносные поля, то он не осуждается судом, если не делал этого при сильном ветре». Техническое значение разведения огня в лесу выступает с еще большей яркостью при сопоставлении данной статьи с соответствующими статьями эклоги и эклоги, измененной по Прохирону. И в первой, и во второй указывается, что речь идет именно о выжигании жнива или сорных трав на своем участке. В славянском переводе, изданном А. С. Павловым, этим словам соответствует термин «стернище своей нивы». Как правильно отметил Б. А. Панченко, термин «стернище» в славянском переводе Земледельческого закона имеет два значения: в первом случае — для обозначения соломы, остающейся на корню после жатвы, для перевода греческого *τήν καλήμην* (ст. 66 Земледельческого закона); во втором — для обозначения лядины — леса, выжигаемого под пашню (ст. 56: *ἐν ὄλῃ ἰδίᾳ ἢ ἐν ἀγρῶ*).

Как первое, так и второе значение термина указывают на применение огня как на необходимое звено в системе подготовки земли для вспашки. Эта черта, характерная для так называемой подсечной, лядной или огневой системы полевого хозяйства, может быть констатирована не только в Земледельческом законе, но и в ряде других византийских законодательных памятников последующей (Прохирон, эклога, измененная по Прохирону, и др.) и предшествующей эпохи (Дигесты)².

Вопросом о системах полеводства на землях Балканского полуострова, близких к болгарским, занимался также А. П. Каждан. В работе «Византийское сельское поселение», включенной впоследствии в изданную позднее монографию «Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.», читаем по этому поводу следующее: «Геопоники рекомендуют севооборот: смену бобовых и хлеба, однако следов правильно организованного севооборота (двухполья или трехполья) проследить не удается»³. В той же монографии автор пишет: «В поздневизантийских документах мы не находим никаких свидетельств в пользу существования подсечного земледелия. Повидимому, в это время повсеместно распространяется трехполье. Никифор Григора определенно говорит о существовании ярового и озимого клина, когда отмечает, что на полях византийских земледельцев можно было одновременно видеть и молодой, зеленый еще хлеб, и уже совершенно созревший»⁴.

Касался вопроса о системе полеводства в балканских землях, в частности в Македонии, и славист А. Соловьев. В работе «Кончанский практик» он пишет: «Необходимо остановиться на выражении «требезж». Оно говорит о том, что освоение новых земель посредством корчевания леса было очень распространенным способом у средневековых славян... В своей работе Е. Э. Липшиц высказывает мнение, что к тому времени, когда был составлен Номос Георгикос, т. е. к VIII в., в Византии была известна система корчевания леса для земледельческих нужд (подсечно-огневая система земледелия)... Данные же, относящиеся к Македонии, доказывают, что и в XIV в. эта система была хорошо известна в области, которая раньше была частью Византийской империи, и можно утверждать, что она была известна там и в XIII—XIV вв., в период византийского владыче-

² Е. Э. Л и п ш и ц. Византийское крестьянство и славянская колонизация ВС, стр. 111.

³ А. П. К а ж д а н. Византийское сельское поселение. ВВ, II, 1949, стр. 222.

⁴ Е г о ж е. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 42.

ства»⁵. «Д. Ангелов также остановился на вопросах о значении термина «требеж» и о системе полеводства вообще. По мнению Ангелова, в XIV в. в Северной и Средней Македонии практиковалось трехполье, базирующееся на отсталой сельскохозяйственной технике»⁶.

Приведенные выдержки из работ И. Сакизова, Е. Э. Липшиц, А. П. Каждана, А. Соловьева и Д. Ангелова дают возможность судить о взглядах этих авторов относительно системы полеводства не только в собственно болгарских землях, но и в соседних с ними районах Балканского полуострова. Необходимо, следовательно, определить, насколько эти мнения обоснованы данными источников, относящихся к рассматриваемой эпохе, и насколько эти данные правильно оценены. Что касается точки зрения И. Сакизова, то можно сразу же сказать, что она не основывается ни на каких непосредственных свидетельствах, относящихся к болгарскому земледелию, а является чисто априорным построением. Кроме того, мнение И. Сакизова выражено им недостаточно четко. Сначала И. Сакизов говорит о том, что пашня в Болгарии в период средневековья оставалась в течение долгого времени под паром, и из этого заключает, что «...наличие пара — надежное указание на наличие двухпольной или даже, хотя и редко, трехпольной системы, при которой данный участок земли засеивается попеременно озимым и яровым зерном, а на третий год остается под пар»⁷.

Как видно, Сакизов противоречит сам себе, говоря, что земля в течение долгого времени оставалась лежать под паром (явление, характерное для залежной системы полеводства, при которой поле дольше, чем год, находится под паром), и тут же заявляя, что в средневековой Болгарии господствовало двухполье, а также, хотя и в меньших размерах, было распространено трехполье (т. е. полеводческие системы, при которых земля стоит под паром только год). Характеристику полеводческой системы в средневековой Болгарии Сакизов завершает схемой трехполья: 1) озимые зерновые; 2) яровые зерновые; 3) пар, не делая при этом попытки дать схему преобладающей, по его мнению, двухпольной системы. Противоречивость высказываний Сакизова при объяснении одного из важнейших и сложных вопросов организации земледельческого хозяйства показывает, что автор не имел окончательно сложившейся точки зрения по этому вопросу. Поэтому, хотя в воззрениях Сакизова и содержится доля истины, мы не можем признать за ним существенной заслуги в разрешении вопроса о системах полеводства в истории болгарского земледелия.

Точка зрения Е. Э. Липшиц, согласно которой в VIII в. в землях Византийской империи, заселенных славянами, большая часть которых впоследствии вошла в состав средневекового Болгарского государства, господствовала подсечная или огневая система полеводства, представляется на первый взгляд оправданной, ибо автор, как это видно из приведенной выше выдержки, основывает свою точку зрения на данных Земледельческого закона. Закон же этот отражает тогдашнюю повседневную обстановку, в которой протекала жизнь славянского населения Византийской империи⁸.

Рассматриваемая работа Е. Э. Липшиц вызвала, однако, вскоре после ее опубликования возражения А. П. Каждана и М. Я. Сюзюмова;

⁵ А. Соловьев. Кончански практик. ЗРВИ, 3, 1953, стр. 99—100.

⁶ Д. Ангелов. Аграрные отношения в Северна и Средна Македония през XIV в. София, 1958, стр. 153.

⁷ I. Sakizov. Op. cit., S. 34.

⁸ П. Мутафчиев. Селското земевладение в Византия. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XXV, 1909, стр. 8; Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 105.

указавших на ошибочную интерпретацию Е. Э. Липшиц используемых ею материалов. Критическое отношение к выводам о существовании подсечного земледелия в пределах Византийской империи было высказано А. П. Кажданом и в упомянутой его монографии⁹. Вместе с тем А. П. Каждан сделал оговорку, носящую компромиссный характер. Он пишет, что в Каппадокии, если исходить из сведений, содержащихся в житии св. Ирины Каппадокийской, по-видимому, применялась подсечная (огневая) система земледелия, так как в этом житии обработка земли и расчистка леса как бы приравниваются в качестве необходимых предпосылок для получения хорошего урожая¹⁰.

Приведенная выше цитата из работы Липшиц показывает, что автор делает свой вывод о применении на землях Византийской империи, занятых славянами, подсечной (огневой) системы земледелия, основываясь на ст. 20 и 56 Земледельческого закона, в которых упоминается: а) о вырубке леса с целью получения земли, годной для пахоты, и б) о применении огня для освобождения поля от стерни или о расчистке лесных площадей с целью получения новых комплексов земель, годных для обработки.

Е. Э. Липшиц приходит к своему выводу чисто формальным путем, основываясь на двух приведенных ею свидетельствах и не пытаясь определить место этих явлений в хозяйственном процессе. Как правильно отметил А. Каждан, освоение новых земель (появление «нови») не всегда можно объяснить применением подсечно-огневой системы земледелия в данном районе¹¹. Данных Земледельческого закона недостаточно для заключения о применении этой системы в византийском земледелии той эпохи.

При подсечно-огневой системе полеводства огонь выполняет те функции, которые при более интенсивных системах осуществляет земледelec; иными словами, огонь выступает в качестве заместителя обработки почвы. Липшиц совершенно точно определила эту функцию огня в следующих словах: «...после того, как срубленные деревья вывезены, сжигается оставшийся из-под леса хворост, затем производится довольно поверхностная обработка почвы, а потом в течение ряда лет участок засеивается»¹².

Приведем также высказывание по этому поводу П. Н. Третьякова. Опираясь на этнографические материалы, относящиеся к сохранившемуся еще в начале XIX в. подсечно-огневому земледелию в Карелии и Белорусском полевье, Третьяков пишет: «Интересно отметить, что сжигание срубленного леса не являлось средством расчистки будущего поля, как это может показаться с первого взгляда. Подсечное земледелие по своим особенностям резко отличалось от всех других видов земледелия. Огонь являлся здесь своеобразным средством обработки земли, так как после сожжения огромной массы древесного материала, когда прогорал и превращался в рыхлую золу и верхний слой почвы, можно было землю не обрабатывать, а производить посев прямо в золу»¹³.

Очевидно, первой характерной чертой подсечно-огневой системы полеводства является поверхностная обработка или вообще отсутствие всякой обработки почвы, предназначенной для засеивания. Однако у нас нет никаких сведений о том, что обработка (вспахивание) почвы в Византии и

⁹ А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 41.

¹⁰ Там же, стр. 42.

¹¹ Там же, стр. 41.

¹² Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 111.

¹³ П. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. Сб. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л. 1951, стр. 52—53.

в землях Балканского полуострова, заселенных славянами, производилась недостаточно тщательно или не производилась вовсе. Напротив, даже в житии св. Ирины Каппадокийской (относящемся к южному побережью Черного моря), которое, по мнению Каждана, позволяет допустить существование в некоторых районах империи подсеčno-огневой системы полеводства, заботливая обработка почвы подчеркивается наряду с расчисткой леса как необходимая предпосылка для получения хорошего урожая¹⁴.

Второй характерной чертой подсеčno-огневой системы полеводства является использование данного участка земли для засеивания сельскохозяйственными культурами в течение сравнительно недолгого времени — по мнению П. Н. Третьякова, в течение не более чем трехлетнего срока¹⁵. Е. Э. Липшиц пишет по этому поводу: «Таким образом расчищенное поле засеивается подряд два, три, четыре года и дольше»¹⁶. После использования земли в течение нескольких лет под земледельческой культурой, когда урожай начнет уменьшаться в результате истощения почвы, участок забрасывается и постепенно возвращается в первоначальное состояние, зарастая лесом и восстанавливая естественным путем свое плодородие. Е. Э. Липшиц говорит об этом так: «Когда почва истощается, участок забрасывают, и он снова зарастает лесом»¹⁷. Использование земли указанным выше способом в условиях оседлого земледелия, характерного не только для Византии, но и для других земель Балканского полуострова, делало бы возможным возвращение забрасываемых участков земли в культурное состояние лишь через 40—60 лет, как считает Третьяков¹⁸.

Но и об этой второй характерной черте подсеčno-огневой системы полеводства (о возвращении обрабатываемой земли в первоначальное состояние и повторном ее использовании) мы нигде не находим указаний в источниках.

Осуществление такой длительной ротации предполагает, безусловно, наличие огромного земельного резерва. Но у нас нет данных, что такими ресурсами владели крестьяне, о которых в первую очередь и говорит Земледельческий закон, не только в Византии, но и в других частях Балканского полуострова. «Сведения, прямые и косвенные, о размерах земледельческого хозяйства, которыми мы располагаем от разных периодов средневековья, показывают, что хозяйство велось в условиях крайнего малоземелья, которое никак не могло позволить проводить столь длительную ротацию (50—60 лет), которая необходима при подсеčno-огневой системе.

От времени Первого Болгарского царства мы не имеем прямых данных о размерах земледельческого хозяйства. Но у нас есть достаточно убедительные указания, свидетельствующие, что эти размеры обычно были незначительны. Так, косвенное свидетельство этого можно видеть в рассказе героя «Чуда св. Георгия Болгарина», который повествует, что перед тем, как принять участие во втором походе царя Симеона против венгров, он, зарезав более десяти овец и свиней и лучшего своего вола, роздал мясо своим бедным соседям¹⁹. Таким образом, в этот период в болгарском селе были бедные крестьяне, хозяйства которых не могли дать достаточного количества средств пропитания.

¹⁴ А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 42.

¹⁵ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 53.

¹⁶ Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 111.

¹⁷ Там же.

¹⁸ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 54.

¹⁹ Й. Иванов. Старобългарски разкази. София, стр. 45; Ив. Дуйчев. Из старата българска книжнина, кн. I. София, 1943, стр. 73.

Для XI—XII вв. некоторые сведения о величине крестьянских хозяйств содержатся у Феофилакта Охридского. В письме к визинскому епископу Феофилакт отмечает, что сборщики налогов для того, чтобы получить налог, уводили крестьянских детей и продавали их в рабство, как скот²⁰. Подобная нищета населения не могла бы иметь места, если бы крестьяне располагали достаточным количеством обрабатываемой земли. От XIII—XIV вв. имеются прямые данные источников о размерах крестьянских наделов. Эти данные имеются в описях византийских деревень, или находящихся в непосредственной близости от болгарских земель, или же являвшихся в прошлом болгарскими. Эти данные, приведенные в работах Б. Т. Горянова²¹ и А. П. Каждана²², показывают, что наиболее зажиточные крестьяне владели не более чем 100—150 модиями земли, что в переводе на современную систему мер площади едва достигает 10—12 гектаров.

Очевидно, что при таком малоземелье в крестьянском хозяйстве не существовало никаких возможностей для применения подсеčno-огневой системы полеводства.

Исходя из отмеченных характерных черт подсеčno-огневой системы полеводства, с одной стороны, а также из реальных данных о размерах сельского земледельческого хозяйства в землях Балканского полуострова, с другой стороны, считаем, что мнение Е. Э. Липшиц о наличии подсеčno-огневой системы полеводства в балканских землях, заселенных славянами, несовместимо с объективными условиями сельского земледельческого производства в этих землях и построено на ошибочном толковании соответствующих текстов Земледельческого закона.

В таком случае возникает вопрос, как следует толковать приведенные Е. Э. Липшиц главы Земледельческого закона, в которых совершенно ясно говорится о расчистке лесных площадей посредством вырубания деревьев (ст. 20) и с меньшей определенностью — о расчистке новых земель с помощью огня (ст. 56). Отметим также, что изложенные ниже наши соображения являются одновременно и ответом А. Соловьеву, говорившему о наличии в XIV в. подсеčno-огневой системы полеводства в некоторых областях Македонии.

Расчистка лесных площадей под сельскохозяйственные культуры осуществлялась не только в областях, где применялась подсеčno-огневая система полеводства, но также и в районах, где господствовали более прогрессивные системы полеводства (двухполье, трехполье или даже многопольные полеводческие системы).

При интенсивных полеводческих системах необходимость в расчистке лесных или целинных площадей могла появиться, в частности, в результате роста земледельческого населения. В качестве источника большей части новых площадей культурной земли выступали в первую очередь леса, окружавшие деревню. О широком применении этого способа получения новых площадей земли свидетельствует, кстати, то обстоятельство, что в языке двух основных групп народов, населявших Европу, — славянской и германской — имеются специальные термины, обозначающие расчистку леса под пашню. В болгарском языке имеется даже два таких термина: а) коренеж — уничтожение старого леса, когда приходится выкорчевы-

²⁰ Симеонов, митрополит варненски и преславски. Писмата на Теофилакта охридски, архиепископ български. София, 1931, стр. 18, 16-е писмо Б. Финетти.

²¹ Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВВ, III, 1950, стр. 42—43.

²² А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 60 сл.

вать деревья с большими и глубокими корнями, и б) требез — расчистка земельных площадей, занятых молодым или низким лесом и кустарником²³.

В результате такой расчистки были почти полностью сведены обширные девственные леса, покрывавшие большие площади Балканского полуострова, включая и болгарские земли. О существовании таких лесов на упомянутой территории имеется немало свидетельств. Не вызывающие сомнений данные о расчистке территории от леса с целью увеличения земельной площади, используемой под сельскохозяйственные культуры в Северной Македонии, содержатся в Кончанском практике²⁴, а также в грамоте сербских правителей XIV в., как на это указал Д. Ангелов²⁵, и в грамоте краля Душана от 21.V 1349 г., приведенной А. Соловьевым. На основании этой грамоты и данных Кончанского практика, а также учитывая точку зрения Е. Э. Липшиц, А. Соловьев пришел к выводу о применении в македонских землях подсечно-огневой системы полеводства²⁶. Из болгарских источников можно сослаться на Виргинскую грамоту, содержащую одно, правда, не очень ясное, свидетельство о расчистке леса с целью получения земли для земледельческих нужд: «Аще кто... лѣсь усѣщи»²⁷.

А. Каждан также отметил, что леса в течение жизни многих поколений были значительным резервом увеличения площадей земли, используемых для культурных целей, и что потребность в этом вызывалась непрерывным ростом земледельческого населения на Балканском полуострове, в частности в пределах Византийской империи²⁸.

Так как расчистка леса производилась при этом отнюдь не для того, чтобы пустить полученные таким способом земли во временное, эпизодическое пользование (как это делалось при подсечно-огневой системе), а с расчетом использовать их постоянно, то и функция огня в византийском балканском земледелии не носила характера агротехнического средства; она не являлась приемом земледельческого хозяйства, непосредственно связанным с созданием условий, благоприятных для развития земледельческих культур. Огонь был лишь мелиоративно-техническим средством.

Применение огня преследовало здесь цель превратить лесные пространства в культурные пахотные земли. При отсталой технике того времени огонь заменял земледельцу-мелиоратору современные технические средства.

Статья 17 Земледельческого закона, текст которой приводит и Е. Э. Липшиц, неопровержимо доказывает, что упомянутая в ст. 20 и 56 расчистка леса носила мелиоративный, а не агротехнический характер. То обстоятельство, что собственник лесного участка предоставлял расчистившему его земледельцу право безвозмездного пользования вновь освоенным участком земли в течение трех лет (ст. 17), свидетельствует о том, что перед нами длительная работа по освоению новой территории, а не подготовка ее к кратковременному использованию, как при подсечно-огневой системе, когда трехлетнее непрерывное пользование освоенной посредством расчистки землей вообще является чуть ли не максимальным сроком

²³ С. М л а д е н о в. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 641; Л. А н д р е й ч и к, Л. Г е о р г и е в и др. Български тълковен речник. София, 1956, стр. 872.

²⁴ А. С о л о в ъ в. Указ. соч., стр. 99—100.

²⁵ Д. А н г е л о в. Указ. соч., стр. 71—74.

²⁶ А. С о л о в ъ в. Кончански практик, стр. 99—100.

²⁷ Й. И в а н о в. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 586.

²⁸ А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения..., стр. 58.

пользования таким участком. Если же по истечении первых трех лет данный участок оставался по-прежнему годным для использования в сельскохозяйственных целях, то надо полагать, что его плодородие понизилось не столь значительно, иначе договор собственника с земледельцем и трехлетние льготы в пользу последнего не имели бы никакого смысла.

Выводы Д. Ангелова относительно требежа и лазов убедительно показывают, что это — мелиоративные мероприятия, средства для получения новых земель для длительного использования в сельскохозяйственных целях²⁹, а отнюдь не обработка поля с целью только кратковременного пользования им, как думает А. Соловьев.

Вместе с тем мы вовсе не отрицаем, что в известных случаях огонь в условиях византийского и вообще балканского земледелия мог выполнять и агротехническую функцию. Другими словами, его применение в земледелии имело прямую и непосредственную связь с созданием благоприятных условий для выращивания культурных растений. Колосья срезали в то время сравнительно высоко — на полях оставалось значительное количество соломы в виде высокой стерни, особенно от озимых зерновых. Эта стернь и солома, если ее не устранили посредством сожжения, затаптывалась и смешивалась с почвой, образуя во время осенней слякоти твердую корку. Такое состояние почвы при несовершенстве орудий труда могло не только затруднить, но и сделать совершенно невозможным весенний сев. Вот почему огонь становился безусловно необходимым вспомогательным агротехническим средством.

О том, что сжигание совершалось осенью, можно заключить из следующих слов ст. 56 Земледельческого закона: «...если огонь не был зажжен во время сильного ветра...» А как известно, сильные ветры бушуют на Балканах обычно поздней осенью. При сжигании уничтожались также семена сорняков и спорынья.

Санитарная функция огня в земледелии надолго сохранилась в болгарских землях, особенно в районах крупного земледелия с зерновым уклоном. До первой четверти настоящего столетия во многих сельскохозяйственных районах Северной и Юго-Восточной Болгарии огонь был обязательной составной частью в системе агротехнических приемов, которые применял в своем хозяйстве болгарский земледelec.

А. П. Каждан в работах «Византийское сельское поселение» и «Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.» говорит также и о системе полеводства в Византии. В первой из упомянутых работ он высказывается очень сдержанно и кратко, ограничиваясь только замечанием, что нет возможности обнаружить какие-либо следы правильно организованного севооборота³⁰. Во второй работе, опираясь на сообщение Никифора Григоры, который пишет, что на полях византийских земледельцев можно было одновременно видеть как полностью созревшие зерновые посевы, так и еще зеленеющие, А. П. Каждан пишет, что в этих словах византийского хрониста можно видеть доказательство существования зимнего и весеннего полей в севообороте, и придерживается взгляда о *повсеместном распространении трехполья* (озимые зерновые, яровые зерновые, пар)³¹.

Вторая часть вывода А. П. Каждана, а именно, что византийские земледельцы выращивали на своих полях озимые и яровые хлеба, или, как выражается А. П. Каждан, имели зимние и весенние поля, не вызывает никаких возражений.

²⁹ Д. Ангелов. Аграрные отношения..., стр. 71—74.

³⁰ А. П. Каждан. Византийское сельское поселение, стр. 222.

³¹ А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 42.

Возражения могут быть сделаны, однако, в отношении первой части его вывода — о применении византийскими земледельцами на своих полях трехпольной системы ³².

Вывод А. П. Каждана о существовании в Византии трехполья сделан, как нам представляется, с учетом условий земледелия не в южных, а в северных областях Восточной Европы.

Вследствие специфических климатических условий севера Восточной Европы (короткая осень и быстро наступающая зима) и связанных с ними особенностей вегетационного периода при позднем посеве яровых хлебов и соответственно поздней их жатве земледельцу после снятия урожая яровых почти не остается времени для подготовки и засеивания поля озимым зерном. Поэтому он вынужден удлинить ротацию еще на один год, образовав наряду с занятыми озимым и яровым клинами еще одно занятое или пустующее поле. Это поле позволяет ему производить своевременный посев озимых хлебов, всходы получают возможность хорошо развиться и окрепнуть к наступлению зимы, чтобы безболезненно перенести морозы.

В климатических же и вегетационных условиях Балканского полуострова (особенно его южных окраин, входивших в состав Византийской империи), а именно в условиях продолжительной и теплой осени, когда вегетация гораздо более продолжительна и условия работы в поле долго остаются благоприятными, необходимость в третьем промежуточном поле, обычном для трехполья, отпадает. Исключение в этом отношении составляют только горные районы, где климат более суров. Там трехполье, безусловно, имело решающее значение для преуспевания земледельческого хозяйства и особенно для своевременного выполнения ряда земледельческих работ.

Таким образом, если третье промежуточное поле не выполняло никакой функции в полеводстве на землях Балканского полуострова, то оно не могло там и существовать. По тем же причинам и античное земледелие в этих местах, согласно имеющимся сведениям (Геопоники) ³³, строилось на основе двухполья с занятым паром. Можно предполагать, что третье промежуточное поле представляло собой пережиток, принесенный славянами с их северной прародины, где они, безусловно, знали и выращивали в условиях трехполья как озимые, так и яровые земледельческие культуры. Но ведение хозяйства в условиях Балканского полуострова должно было постепенно убедить славянское население в том, что подобное усложнение севооборота (трехполье) не оправдывает себя и совершенно излишне. Поэтому новое славянское население на землях Балканского полуострова (независимо от того, в пределах какого государства оно жило — в Византии, Болгарии или, позднее, в Сербии) ввело двухпольную систему с занятым в большей или меньшей степени паром, несколько видоизменив традиции местного античного земледелия.

Но кроме этих чисто теоретических соображений в отношении полеводства на болгарских землях, мы имеем также совершенно определенные свидетельства современников, подтверждающие, что в Болгарии и соседних с нею областях в течение средневековья господствовало двухполье с полностью или отчасти занятым паром.

Эти свидетельства относятся к эпохе, на несколько столетий предшествующей той, к которой относится сообщение Никифора Григоры, а одно из них весьма близко ко времени составления Земледельческого закона.

³² Впрочем, о трехпольном севообороте (озимые, яровые, пар) говорит и М. Я. Сюзюмов.

³³ А. П. Каждан. Византийское сельское поселение, стр. 222.

Первое из упомянутых свидетельств относится к концу IX и первой четверти X в. Оно принадлежит одному из наиболее выдающихся культурных сподвижников царя Симеона — Иоанну Экзарху. С удивительным мастерством, характерным для его крупного писательского дарования, он в нескольких словах в своем «Шестоднев» дает поразительно точное и художественно яркое описание обработки болгарских полей в его время: «...ище же иже по нивамъ лѣпота многоразлича. Житнаа и сочивнаа»³⁴.

Ясно, что эпохе царя Симеона было совершенно чуждо представление об однополье, которое присуще подсеčno-огнево́й системе, о двухполье с полностью незанятым паром или, наконец, о трехполье с двумя зерновыми и одним незанятым полем под паром.

Напротив, Иоанн Экзарх с полной определенностью говорит о полях, на которых зеленели зерновые и пестрели багряные бобовые растения³⁵. Иначе говоря, в конце IX — начале X в. болгарский земледelec еще применял двухполье с занятым паровым полем при следующем сочетании культур: озимые зерновые (житнаа), бобовые летние (бабочкоцветные, «сочивнаа» Иоанна Экзарха).

Севооборот по указанной схеме следует признать возможным, ибо на Балканах (включая земли, занятые славянами) издревле возделывались бобовые растения (чечевица, бобы, горох, вика и др.)³⁶. Позднее, в период средневековья, возделывали также турецкий горох. Это бобовое растение, согласно житию св. Ивана Рильского, написанному последним болгарским патриархом Евфимием, произрастало «по воле бога», чтобы де старец в Рильской пустыне имел чем кормиться: «Повелѣ бо земли израти слануток въ пропитаніе стго»³⁷.

Кроме двухполья с занятым паром (при сочетании озимые зерновые — летние бобовые), в болгарских, а вероятно, и в соседних с ними землях, как это следует из сообщения Никифора Григоры, применялось двухполье с занятым паром со следующим сочетанием культур: озимые зерновые — яровые зерновые. Из озимых зерновых сеялись пшеница и рожь, а из яровых — ячмень, просо, овес.

О наличии такого сочетания яровых и озимых зерновых при двухполье на землях Балканского полуострова свидетельствует также Иоанн Скилица, живший почти на три столетия раньше Никифора Григоры, общение которого использовал А. П. Каждан.

Скилица, говоря о системе управления Болгарией после ее подчинения Василием II, свидетельствует: «Император Василий, покорив болгар, не пожелал ни преобразовывать страну, ни изменять характер повинностей, но пожелал, чтобы болгары остались при тех же постановлениях и чтобы жили так, как некогда постановил Симеон, и каждый болгарин, имеющий пару волов, должен был давать в государственную казну один

³⁴ Иоанн, Экзарх Болгарский. Шестоднев. Издание императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1879.

³⁵ Л. Андрейчин, Л. Георгиев. Указ. соч., стр. 813; сочиво: бобы, фасоль, чечевица, горох.

³⁶ Н. Арнаудов. Растителни материали от предисторическото селище Караново, Н. Загорска. «Годишник на Софийския университет, физико-математическият ф-т», 1937/38; е го же. Бележки върху предисторическите растителни храна у нас. «Известия на Ботаническото дружество», 1939; е го же. Върху новооткритите предисторически растителни останки в Южна България. «Годишник на Софийския университет, физико-математическият ф-т», 1940; е го же. Принос за проучване предисторическия лимец. «Годишник на Софийския университет, физико-математическият ф-т», 1947/48; е го же. Предисторически растителни материали. «Годишник на Софийския университет, физико-математическият ф-т», 1948/49.

³⁷ Й. Иванов. Указ. соч., стр. 375.

модий зерна и столько же проса» (ячменя)³⁸. Распределение налогового бремени на земледельческое хозяйство поровну между озимыми и яровыми зерновыми культурами свидетельствует, что в структуре тогдашнего полеводства в болгарских землях эти сочетания культур были полностью разнозначны, площадь полей делилась в основном между ними, иными словами, существовало двухполье со следующим сочетанием культур: озимые зерновые — яровые зерновые. Таким образом, двухполье с занятым паром появилось не в позднее средневековье, как предполагает Каждан³⁹, а издавна практиковалось балканскими земледельцами.

Бесспорно, сведения о севообороте по схеме: озимые зерновые — яровые зерновые, сообщаемые Скилицей и Никифором Григорой, далеко не столь определенны, как сведения Иоанна Экзарха. Тем не менее они позволяют настаивать на выводе о двухполье, поскольку пережитки этого севооборота сохранились почти до наших дней в некоторых отсталых в аграрном отношении горных и полугорных районах (Тырновский, Провадийский, а также Разградский, Кубратский и др.) при сочетании культур: овес, пшеница, просо, пшеница, ячмень, пшеница, рожь⁴⁰.

Итак, в эпоху средневековья в болгарских и соседних землях Балканского полуострова, как об этом свидетельствуют Иоанн Экзарх, Иоанн Скилица и Никифор Григора, были распространены две разновидности двухполья с занятым паром, которые существовали как в чистом виде, так и сочетаясь друг с другом, что, по-видимому, было наиболее частым явлением. Использование обеих разновидностей двухполья с занятым паром было обусловлено прежде всего потребностями хозяйства в различных продуктах, а кроме того, необходимостью сохранить запас питательных веществ в почве.

Разумеется, было бы неверно полагать, что уже в средние века пар был полностью занят под соответствующие культуры, несмотря на то, что, кроме перечисленных выше, имелись еще и другие земледельческие культуры (лен, конопля, хлопок, мак, арбуз, дыня, тыква и др.), которые могли быть высеяны на поле, находящемся под паром. Некоторые из этих культур возделывались в болгарских землях еще в доисторические времена, как, например, лен⁴¹, другие — во фракийский период, например конопля⁴², третьи — уже в период средневековья (хлопок⁴³, культурный мак⁴⁴, арбуз⁴⁵, дыня⁴⁶, тыква⁴⁷).

³⁸ В. Н. З л а т а р с к и. История на Българската държава през средните векове, т. II. София, 1934, стр. 26—27.

³⁹ А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения..., стр. 42.

⁴⁰ Н. Тр. А т а н а с о в. Трайчо-сеитообръщенията в България. София, 1939, стр. 26.

⁴¹ Н. А р н а у д о в. Предисторически растителни материали; П. Д е т е в. Селищната могила Банята при с. кап. Дмитрчево. «Годишник на Пловдивския народен музей», т. II; Н. П е т к о в. Предисторическото селище Обреща при с. Чалопечене Софийско. «Годишник на Народния археологически музей», 1922/25.

⁴² Г. И. К а ц а р о в. Очерк на историята и бита на древна Тракия. София, 1928, стр. 17.

⁴³ Д. А н г е л о в. По въпроса за стопанския облик на българската земи през XI—XIV в. ИП, 1951, т. VII, № 4—5.

⁴⁴ В. Н. З л а т а р с к и. История..., т. III. София, 1940, стр. 44.

⁴⁵ Б. Ц о н е в. Славянски ръкописи в Българската Академия. «Сборник на Българската Академия на науките», кн. VI, 4, стр. 28.

⁴⁶ В. Н. З л а т а р с к и. Указ. соч., т. III, стр. 128.

⁴⁷ С и м е о н, митрополит Варненски и Преславски. Писмата на Теофилакта Охридски, архиепископ Български. «Сб. на Бълг. Акад. и на науките», кн. XXVII, 15. София, 1931, стр. 11.